Сергей С. Астахов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Странная дихотомия: пространство и время в акторно-сетевой теории

Пространство и время — странная, не вполне проясненная оппозиция в акторно-сетевой теории: с одной стороны, места и мгновения рассматриваются как нередуцируемые, с другой, Б. Латур постоянно заявляет об их производности по отношению к взаимодействиям актантов. В первой части статьи принцип обобщенной симметрии рассматривается как методологическое обоснование эклектики АСТ. Мы различаем три образа пространства-времени: семиотический, онтологический и материальный. Во второй части мы пытаемся показать напряжение, существующее между концептуализациями пространства и времени в акторно-сетевой теории. В третьей части анализ статьи Латура о Пиаже 1997 года проясняет неопределенность исходной оппозиции. Непоследовательность мысли Латура объясняется промежуточным положением пространственных и временных категорий между актантами и очищенными субъектами и объектами Нового времени.

Ключевые слова: пространство, время, принцип симметрии, акторно-сетевая теория

Астахов Сергей Сергеевич — преподаватель Школы философии НИУ ВШЭ. Научные интересы: современная метафизика, философия науки, социальная теория, акторно-сетевая теория. E-mail: sastakhov@hse.ru
Sergey Astakhov — Teacher, National Research University — Higher School of Economics (Moscow). Research interests: contemporary metaphysics, philosophy of science, social theory, actor-network theory. E-mail: sastakhov@hse.ru
Acknowledgment: the results of the project “Rationality in action: intentions, interpretations, interactions”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015, are presented in this work.
The author is very grateful to Eugenij Bykov, Ivan Napreenko and Alexander Pisarev for their critical comments on earlier versions of this text.
В данной научной работе использованы результаты проекта «Рациональность в действии: интенции, интерпретации, интеракции», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.
Автор благодарит Евгения Быкова, Ивана Напреенко и Александра Писарева за критические комментарии к ранним версиям этой работы.

Sergey S. Astakhov. National Research University Higher School of Economics, Moscow
Strange Dichotomy: Space and Time in Actor-Network Theory

The space / time opposition is a strange dichotomy for actor-network theory: on the one hand, places and moments are treated as non-reducible; on the other, B. Latour constantly underlines that they are secondary in relation to the interactions of actants. In the first part of the paper, the principle of generalised symmetry is regarded as methodological justification for eclecticism. We distinguish between three images of space-time: semiotic, ontological and material. Then, in the second part, we try to show the tension between the conceptualization of space and that of time in actor-network theory. In the third part, the analysis of the article dedicated to J. Piaget in 1997 clarifies the uncertainty of the initial dichotomy. The incoherency of Latour's thought is explained by referring to the transitional position of spatial and temporal categories between actants and purified subjects / objects of modernity.

Keywords: space, time, symmetry principle, actor-network theory

doi: 10.22394/2074-0492-2017-1-59-87

Введение

На неподготовленного читателя акторно-сетевой подход производит впечатление очередной «французской» теории. Он кажется своеобразным родственником континентальной философии в социологии и антропологии, чем-то вроде деконструктивизма. Аналогия тем острее, что и акторно-сетевая теория (далее АСТ), и деконструкция как метод получили особую популярность в англоязычной среде. Их объединяет жесткое отрицание дуалистических онтологий; но если Деррида и последователи демонизируют бинарное мышление фалло-лого-центризма, включая все возможные категориальные противопоставления, то Б. Латур, М. Каллон и Дж. Ло стараются подходить к ним прагматически, делая выводы для каждого конкретного случая. Даже в их критике нововременной рациональности природа и культура, сакральное и профанное, глобальное и локальное представлены в сложной системе сдержек и противовесов, нестабильной и зависимой от производства гибридов и черных ящиков [Латур, 2006а]. И хотя в «Ирредукциях»[1] [Latour, 1988a, part II] звучит призыв избавиться разом ото всех ключевых оппозиций европейской интеллектуальной традиции, в других текстах обнаруживает себя кропотливая работа по перенастройке понятийных связок для конкретных кейсов. В поиске третьего пути между оче-

1 Вторая часть «Пастеризации Франции», манифест, в сжатой форме содержащий практически все философские интуиции АСТ.

редными оппозициями стратегия АСТ постоянно изменяется: преодоление дилеммы микро/макро будет серьезно отличаться от реконфигурации пары might/right. При этом АСТ сохраняет импульс к отрицанию любых дуалистических построений.

Эта локалистская идеология, требующая от исследователя всегда придерживаться эмпирически фиксируемых контекстов, имеет особое значение для Латура и его коллег. Как отмечает С. Шэйпин[1], АСТ не просто показывает, что научное знание производится в тех или иных локальностях, но описывает, как происходит взаимодействие между ними, как факты и теории циркулируют по миру [Shapin, 1998, p. 6–7]. Когда акторно-сетевой анализ вышел за пределы laboratory studies, соединение локальностей стало его основной амбицией [Латур, 2002, с. 211].

Тем удивительнее, что различение пространства и времени, от которого в принципе зависит осмысление локального, долго избегало антидуалистической критики в АСТ. Этой пары нет в списке дихотомий Нового времени. Может быть, Латур не видит в пространстве и времени бинарной оппозиции? Возможно, он говорит о реляционном / абсолютном пространстве независимо от субъективного / объективного времени? Тогда было бы понятно, почему он не описывает их взаимосвязи. Однако в тех же «Ирредукциях» оба понятия употребляются вместе [Latour, 1988a, p. 164–165]. Критика субъект-объектной парадигмы в АСТ приводит к тезису как о множественности пространств, так и о множественности времен. Пространство само по себе перестает отличаться от представлений о пространстве; пространств оказывается столько, сколько есть разных способов его репрезентации [Latour, 1986]. То же самое верно и для категорий времени. Бинарность категориальной связки не оставляет сомнений.

Особая проблема заключается в двусмысленности, с которой и пространства, и времена объявляются как нередуцируемыми, так и редуцируемыми [Latour, 1988a, p. 1.2.4.–1.2.6.]. Они одновременно и несводимы, и возникают как результаты переговоров сил. Только в 1997 году в статье, посвященной Ж. Пиаже, Латур предлагает развернутое обоснование производности пространства и времени от взаимодействий актантов, при этом вводя нетривиальные теоретические решения [Latour, 1997]. Но почему это произошло так поздно и в результате столь значительного концептуального усилия? Являются ли в конечном счете пространства и времена нередуци-

1 Автор благодарен Н. Руденко за ссылку на мнение С. Шейпина. Оно особенно ценно, потому что Шейпин в свое время выступал критиком Латура, будучи гораздо ближе по методологии к Эдинбургской школе в социологии научного знания.

руемыми, как актанты, или это противопоставление так же производно от практик очищения, как и дихотомия природы/культуры?

Когда речь идет о пространстве и времени, на карту оказывается поставлена способность теории связывать локальности и определять их границы. И тогда при отрицании мета-уровня и всех акцентах на инфра-языке [Латур, 2012] АСТ сталкивается с неизбежными рефлексивными эффектами. Возможно, именно поэтому категориальная пара оставалась в зоне своеобразного слепого пятна. Но зачем тогда Латур извлек ее из теневой зоны? Все эти соображения и вопросы указывают на странное положение пространства и времени среди категорий акторно-сетевого подхода. Мы постараемся дать ответы на некоторые из поставленных вопросов и тем самым прояснить особенный характер дихотомии.

Эта статья, как и подавляющее число публикаций об АСТ, построена вокруг творчества Латура. В нашем случае это объясняется тем, что другие ведущие авторы — М. Каллон, Дж. Ло, А. Мол, — хотя и внесли значительный вклад в концептуализацию пространства и процессуальности (например, через понятия топологии и перформативности), но в отличие от Латура гораздо меньше внимания уделили пространству и времени как самостоятельной оппозиции с собственной парадоксальной логикой.

Первая часть статьи будет разворачиваться вокруг трех образов пространства-времени у Латура: семиотического, онтологического и материального. Во второй части опорным будет разделение двух линий концептуализации: пространства и времени. Эти дистинкции позволят проявить скрытые напряжения внутри общей аргументации АСТ. Наконец, в третьей части мы исследуем, как именно в статье 1997 года Латур преодолевает противопоставление пространства и времени и обосновывает производность самой дихотомии от взаимодействий актантов.

Образы пространства-времени

Если бы у социальной теории был свой здравый смысл, то он бы подсказывал, что пространство и время неотделимы друг от друга. Актор не способен действовать во времени, игнорируя свое положение в пространстве; категории сопряжены по умолчанию. Хотя, как мы утверждаем, Латур аргументированно объединил пространство и время лишь в конце 1990-х годов, проблематичное словосочетание пространство и время[1] встречается в самых разных его работах.

1 Далее мы будем использовать выражение «пространство-время» для того, чтобы отсылать к неявной сопряженности двух категорий у Латура.

Что, однако, не означает, будто эти слова отсылают к одной и той же логике осмысления пространственных и временных феноменов. С нашей точки зрения, в АСТ долгое время развивались три разных образа пространства-времени.

Для работы с бинарными оппозициями Латур обычно использует принцип симметрии. Прежде чем перейти непосредственно к образам пространства-времени, нам нужно прояснить, как симметризм работает с категориальными связками. Вокруг принципа симметрии существуют разные предрассудки. Одна из наиболее распространенных ошибок заключается в том, что симметрия понимается как требование описывать людей с точки зрения нечеловеков, а нечеловеков — с точки зрения людей [Collins, Yearly, 1992, p. 313]. Принцип трактуется как агрессивный призыв к уравниванию прав самых разных актантов.

Но АСТ вовсе не призывает к взаимному обмену старыми словарями. Каллон и Латур предлагают новую терминологическую политику. Согласно Каллону, необходимо использовать один и тот же репертуар терминов при описании как природы, так и общества [Callon, 1986, p. 5]. Часто считается, что эти выражения должны браться из словаря самих актантов, но на самом деле методологи АСТ редко практикуют такого рода заимствования. Принцип симметрии нужен не столько для того, чтобы следовать за акторами, буквально воспроизводя их высказывания, но скорее для того, чтобы связать с помощью унифицированного языка неоднородные элементы исследуемой реальности. Если дать уникальным ситуациям и процессам описание в одних и тех же терминах, то возникает возможность представить их как встроенные в акторные сети. В этом смысле вся сетевая метафорика основывается на симметризме.

При этом нигде нет уточнений, что подобный уравнивающий словарь должен быть составлен на основе выражений и категорий исследуемых акторов. Методолог сам определяет терминологическую политику, следя лишь за использованием терминов, «не дискриминирущих» социальные или природные сущности [Ibid., p. 18]. Он волен включать в свой концептуальный аппарат самые разные фрагменты при условии, что они соответствуют принципу симметрии; это методологическое оправдание эклектики.

Но это не единственная функция симметрии. Харман указывает, что ирредукционизм позволяет рассматривать сущности одновременно и как редуцируемые, и как нередуцируемые. Любая сеть может пониматься как состоящая из несводимых друг к другу сущностей и вместе с тем как коллектив, в котором все «члены» могут быть сведены друг к другу, если проследить работу переводов [Harman, 2009, p. 17–18]. И можно добавить, что именно симметрия позволяет переключаться из одной оптики в другую в рамках АСТ.

Симметрия позволяет отследить любые отношения власти, любые отношения неравенства к условной ситуации онтологического равенства актантов, как людей, так и любых нечеловеков. Симметрия помогает понять возникновение асимметрии, она выступает для них аналитическим фоном.

Можно выделить три различных фрагмента симметрического словаря, три образа, которые задействуются в АСТ для осмысления пространства-времени. Они отсылают к самостоятельным интеллектуальным традициям, которые следует рассматривать как источники концептуальных заимствований. Первый образ пространства-времени определяется рецепцией Парижской семиотической школы[1]. Изначально развиваясь в рамках семиотического анализа научных текстов, он выстраивается вокруг вокруг греймасовской категории актанта [Вахштайн, 2006]. В статье, посвященной разбору научно-популярной работы А. Эйнштейна, Латур рассматривает пространство и время как производные от спатиальных и темпоральных переключений — смещений точки зрения актанта (автора) между разными системами отсчета, что позволяет ему отказаться от концепции внешнего референта [Latour, 1988b]. Продуктивность такого подхода очевидна по отношению к текстам, и потому акторно-сетевой анализ во многом развивается как попытка перенести семиотические категории за пределы текстов, характерным образом совпадающая с критикой деконструктивизма.

Второй образ пространства-времени связан с философской неклассической онтологией. Критика нововременной рациональности очевидным образом отсылает к понятиям бифуркации природы и общества [Whitehead, 1978] и философии репрезентации [Делёз, 1994]. У раннего Ж. Делёза Латур берет представление о пространстве как о прежде всего пространстве различий, в котором любые тождества оказываются вторичными и нестабильными. Этот образ пространства-времени динамичен, что ясно дают понять термины, заимствованные АСТ: «становление» и «событие» (Уайтхед), «интенсивность» и «виртуальность» (Делёз). Его сфера приложения обширна настолько, насколько распространяются метафизические амбиции исходных концепций.

Наконец, третий образ пространства-времени вобрал в себя социально-конструктивистские интуиции и результаты «поворота к технологиям» в STS. В его перспективе пространство и время конструируются учеными и инженерами с помощью стандартизованных процедур измерения [Латур, 2014а, глава 6]. Научные факты

1 Влияние Греймаса и его последователей на акторно-сетевой анализ было в подробностях исследовано Иваном Напреенко [2013]

и технологические объекты позволяют локальному знанию распространяться на огромные расстояния, игнорируя различия в масштабах. Таким образом, третий образ сочетает акцент на усилиях акторов с особенным вниманием к роли материальных устройств в процессе укрепления метрологических сетей. Для удобства мы обозначили его как «материальный образ»[1].

Хотя три образа могут встречаться на страницах одной работы, они не складываются в единый комплекс, между ними есть серьезное напряжение. Семиотический образ отлично сочетается с обобщенным принципом симметрии: актантом может выступать как человек, так и нечеловек; более того, само различие между человеческим и нечеловеческим нестабильно[2], только после испытаний сил можно говорить о том, что X относится к обществу/культуре, а не природе. В это же время материальный образ вызывающе асимметричен: Латур уверен, что вещи обладают иной «длительностью, протяженностью, пластичностью, темпоральностью», иной «онтологией» [Латур, 2006b, с. 192]. Они долговечнее, что позволяет им одновременно быть редукторами комплексности и продлевать человеческие взаимодействия, увеличивая размеры гибридных коллективов [Там же, с. 183–184]. У вещей есть стабильные свойства, отсутствующие у людей, благодаря чему и оказывается возможным делегирование. Противоречие семиотическому образу пространства-времени очевидно.

Как же тогда возможна материальная семиотика — комбинация двух образов? Противоречие ослабляется с помощью идеи инскрипций — одновременно и текстов, и материальных следов. Гораздо интереснее роль онтологического образа — он передает другим областям динамизм, вроде бы поддерживая обе стороны. Однако в глаза бросается его недоработанность по сравнению с другими образами — в АСТ рецепции А.Н. Уайтхеда, Ж. Делёза, М. Серра и И. Стенгерс непроблематично накладываются друг на друга. Этим воспользовался Г. Харман, который указал на разрыв между уайтхедианскими и делёзианскими мотивами у Латура [Harman, 2009, p. 101]. Тем самым он вбил клин между двумя основными философскими источниками акторно-сетевого подхода. Подобные

1 Материя — многозначный термин в АСТ. Только у Латура есть несколько его трактовок (ср. [Latour, 1988b] и [Латур, 2014b]). В данном случае слово «материальный» отсылает к характеру работы («labor» у Латура), которую при со-действии нечеловеков проделывают ученые и инженеры, конструируя пространства и времена.

2 В этом смысле показательны дебаты о том, с какого времени эмбрион перестает быть просто биологическим материалом и приобретает первые человеческие черты.

нестыковки ведут к тому, что сцепления онтологии и семиотики (онтологическая семиотика), а также онтологии и материального образа (онтология материального) оказываются технически не проработанными. Например, для онтологической семиотики и онтологии материального в АСТ нет аналога инскрипций. В этом смысле онтологический фрагмент симметричного словаря отличается концептуальной аморфностью.

Разделение трех образов пространства-времени ставит под вопрос сопряженность двух категорий в работах Латура. Далее мы постараемся усилить обнаруженные разрывы и показать, что в рамках бинарной оппозиции действуют две различные логики: одна связана с пространственными феноменами, другая — с временными.

Две линии концептуализации

Хотя пространство и время составляют бинарную оппозицию, отношения между ними едва ли можно назвать проясненными. Во всяком случае, модель Латура далека от классического понимания пространства как порядка сосуществований и времени как порядка последующих мгновений. АСТ предлагают оптику, в которой любой актант включает в себя элементы разных пространств и времен: «Одним моим генам 500 миллионов лет, другим 3 миллиона, третьим 100 000 лет, а возрастной диапазон моих привычек колеблется от нескольких дней до нескольких тысяч дней» [Латур, 2006а, с. 144–145]. Места и мгновения, пространственные формы и временные режимы оказываются перемешаны, более того, они «складываются» друг в друга [Latour, 1988a, p. 1.2.6.]. Однако это лишь негативный результат, следствие отказа от дихотомии природы и культуры. Мы покажем, что между трактовкой пространства и трактовкой времени в АСТ существуют серьезные различия. Сначала мы рассмотрим линию концептуализации пространства, потом обратимся к категориям времени.

Пространственные различения

Ядро концепции пространства в ранней АСТ заключается в переоценке пространственных различений внешнее/внутреннее и макро/микро[1]. В «Ирредукциях» техно-научные сети описываются как замкнутые на себя, конструирующие внутри себя собственный образ внешнего, свой мир [Latour, 1987, p. 1.2.7.1., 1.2.8., 1.4.3.].

1 Отношения близости/дальности можно рассматривать как производные от этих различений.

Идентичности с определенными свойствами всегда уже находятся в какой-либо сети, и внешняя реальность отчасти оказывается конструкцией внутренних процессов. Соответственно возникает сложно фиксируемое различие между образом внешнего конкретной сети и не-сетевым внешним. Именно внутри лаборатории Пастеру удается перестроить французское общество, разными способами распространив «внутреннее» лаборатории по всей стране [Латур, 2002, с. 13–16]. Соотношение внутреннего и внешнего оказывается очень подвижным, но с очевидным доминированием внутреннего[1], что отражается в декларативных отрицаниях Латуром существования внешней реальности [2014, с. 355].

Похожее решение Латур и Каллон находят для оппозиции макро- и микроакторов. Между ними нет никакой разницы в размере или сложности, и все потому, что сами макроакторы есть не более чем те же микроакторы, но в союзе с многочисленными «черными ящиками» [Latour, Callon, 1981, p. 286]. Важно учитывать, что авторы отказываются от принятого понимания взаимодействий на микроуровне и соответственно от распространенной интерпретации понятия микроактора [Ibid., p. 300]. Взамен они предлагают новую теорию агентности, во многом заимствованную из той же семиотики [Вахштайн, 2005, с. 103–104; Schmidgen, 2015, p. 37–39; Напреенко, 2013]. Переописание оппозиций масштаба происходит именно за счет значительно измененного понятия микроактора[2]. Хотя для АСТ характерен пафос симметризации, в этих двух случаях трансформация устаревших дуализмов производится при опоре на один из членов оппозиции.

Отсюда и новое понимание пространственной локальности, основанное на представлении о равноразмерных актантах и черных ящиках. Глобальное оказывается ничем иным, как особой, сетевой формой локального. «Сеть, таким образом, может быть „повсеместной“, не становясь при этом „универсальной“»[3] [Latour, 1988a,

1 Важно уточнить, что тут речь идет о внутреннем измерении сети, а не о внутреннем измерении актанта. Или иначе: внуреннее сети — внешнее актанта, лишенного сущностных свойств.

2 «Однако этот аргумент, основанный на кажущейся логике размера, выглядит гораздо слабее, если помнить, что рабочий стол типичного мэра ненамного больше рабочего стола типичного председателя ТСЖ. И у того, и у другого только две руки, которые могут справиться с одинаковым количеством документов, проходящих через них в течение рабочего дня. Но тогда кто сказал, что город — если смотреть на количество операций или решений, сделанных его ключевым должностным лицом — больше, чем ТСЖ, и из-за этого горожанам невозможно стать со-владельцами города?» [Хархордин, 2012, с. 27].

3 Перевод А. Кузнецова.

р. 1.4.2.]. Действительно, Латур и Каллон рассматривают сеть как особого рода локальность, пересекающую, связывающую другие локальности.

Сетевая метафорика оказалась эмпирически продуктивна, поскольку подходила для описания сложных пространственных феноменов[1]. В то же время у нее был ряд недостатков. Основная проблема заключалась в том, что сеть, как ее описывал французский философ, была онтологически изолирована от окружающего мира. Это было необходимо, чтобы продемонстрировать хрупкость научного знания: теории и факты не универсальны и способны эффективно циркулировать только благодаря заранее подготовленной инфраструктуре. Как следствие в ранних работах Латура и Каллона серьезно не прорабатывался вопрос о взаимодействии сетей, их коммуникации[2], вместо этого в текстах на разные лады повторяется идиома конкурентной борьбы. Также не было ясно, какие формы связности, кроме сетей, существуют, можно ли говорить о квази-сетевых и не-сетевых образованиях? Будет ли это понятие также успешно при описании реалий за пределами науки и технологий?

Все эти вопросы требовали переоценки в рамках АСТ. В 1990-е годы было предложено множество новых решений [Mol, Law, 1994; Cussins, 1992; Cussins 1996; Pickering, 1995]. Так, благодаря Дж. Ло и А. Мол в теорию были активно вовлечены ресурсы топологии с тезисом о множественности пространств. Они перестали опираться на понятие сети, предлагая вместе него потоки [Ло, 2006], модусы упорядочивания [Law, 1994], логики [Mol, 2008], сборки [Ло, 2015]. Для Каллона на ранней стадии развития АСТ еще было допустимо писать о дистанции, отделяющей исследователя от актора, о нейтральности наблюдателя [Callon, 1986, p. 220]. Но уже Ло и Мол показывают: аналитик не способен сохранять нейтральность, пространственные категории существует не только в мирах акторов, это также и оптика исследователя, которую необходимо учитывать.

1 Например, она позволяла объяснить, как удаленные места могут быть соединены, в то время как близкие места могут находиться очень далеко друг от друга.

2 «Предполагать же, например, что можно синтезировать в единое целое геологическое время, астрономическое время, время в понимании биологии, приматологии или антропологии так же странно, как объявить о синтезе всех коммунальных систем — водопроводных и газовых труб и электрических, телефонных и телевизионных кабелей» [Латур, 2014, с. 355]. Хотя в цитате говорится о синтезе, в ней чувствуется отношение Латура к проблеме коммуникации: у каждой из форм измерения и передачи сигналов своя внутренняя логика, их нельзя объединить и даже не стоит пытаться. И это при том, что электрические и информационные коммуникации могут рассматриваться в рамках единого технического комплекса, инфраструктуры.

В данной работе мы не будем рассматривать все предложенные нововведения, поскольку в центре нашего внимания именно латурианская версия АСТ. Важно следующее: все авторы в той или иной форме придерживались того понимания локального, которое было задано в ранней АСТ: понимания, основанного на решении проблемы микро/макро. Именно это решение задавало ключевые параметры эмпирической работы в рамках традиции.

Осмысление времени

История осмысления времени в АСТ — это прежде всего история множественных концептуальных модификаций и трансформаций. Базовые интуиции концепции времени видны уже в «Ирредукциях»: время конкретной сети есть результат переговоров/взаимодействий актантов об обратимости исторического порядка. Поскольку время есть результат, оно всегда оказывается порождено задним числом. Все актанты борются за необратимость времени, за неизменное направление своей локальной временной стрелы; направление необратимости предстает как направление движения времени. Тут же мы находим первые наработки по критике нововременной рациональности [Latour, 1987a, p. 3.5.2.–3.6.6.].

Если в «Пастеризации Франции» анализ временных феноменов дан с размахом манифеста, то в рамках семиотики научных текстов [Latour, 1988b] автор более аккуратно разрабатывает понятийный аппарат для описания темпоральных переключений. Возникший между двумя текстами зазор заполняет трактат «Нового времени не было» [Латур, 2006a], проясняющий многие критические аргументы «Ирредукций». Новое время теперь описывается как лишь одна из возможных интерпретаций движения времени [Там же, с. 136], как принцип классификации сущностей, для которого «асимметрия природы и культуры» оказывается «асимметрией между прошлым и будущим» [Там же, с. 139]. Очевидный вопрос — что же такое *само* движение времени — не находит в тексте ясного ответа. Возможно, это исходная смесь разных временных режимов, возможно, нечто иное. Латур, следуя за Серром, предлагает упорядочить множество времен по другому принципу наподобие спирали [Там же, с. 144][1]. Неясность различия между темпоральностью и движением времени усиливается тем, что при описании Нового времени философ вводит понятие «Конституции». Конституция как совокупность онто-эпистемологических гарантий определяет

1 Однако в дальнейшем эта идея оказывается заслонена скандальной проблемой ретроактивности.

производство и рост техно-научных сетей. Тем самым в концептуализации времени происходит переход от конкретных сетей к своеобразному над-сетевому уровню[1].

Во второй половине 1990-х годов в латурианской АСТ разворачивается целый веер новых концептов: пространственно-временной конверт, относительное существование, историзация объектов и др. [Latour, 1996a, 2000], что можно рассматривать как свидетельство постоянной неудовлетворенности Латура своим подходом к временным феноменам. На фоне растущего интереса к философии Уайтхеда переосмысляется понятие института, которое ожидает большое будущее в поздней философии Латура. Но главной модификацией нужно назвать идею «оседающего» времени — ответ на вопрос, «где были микробы до открытий Луи Пастера?»[2]. В линейной временной последовательности после года открытия микробов (1863-й) следует 1864-й. Но в логике оседающего времени в 1863 году существуют «осадки» последующих лет, в том числе 1864 года! Это осаждение произошло благодаря ретроактивной силе научного факта — существования микробов. Из-за подвижного настоящего прошедшие эпохи наполняются моментами последующих. Благодаря противопоставлению линейного и оседающего времени «... на вопрос: всегда ли существовали микробы?, дается симметрический ответ: всегда после 1864 года» [Latour, 1999, p. 173, цит. по Столярова, 2003].

Становится очевидно, что концепция времени очень фрагментарна и обладает множеством недостатков. Во-первых, бросается в глаза напряжение между АСТ как этнографией локальных сетей и АСТ как теорией модерна. Как соотносится Новое время и временные режимы конкретных сетей? Всегда ли они согласованы? Как в принципе можно эмпирически ответить на эти вопросы?

Во-вторых, возникают сложности с принципом симметрии. Поскольку он используется в основном для демонстрации асимметрий, конкретная временная последовательность — это установленная асимметрия. Соответственно в начале симметричного анализа методолог должен явным образом выравнивать онтологический ландшафт, устраняя все фундаментальные различия и диспропорции между акторами. В этой исходной точке не должно быть ника-

1 Выражение «уровень» несет с собой значительные риски, поскольку непонятно, нарушает ли концепт Конституции принцип ирредукционизма и установку на построение плоской онтологии.

2 Судя по информации, которая отражена в *curriculum vitae* Латура, статья «О частичном существовании существующих и несуществующих объектов» с наброском интуиции оседающего времени была написана в 1996 году, но опубликована только в 2000-м.

кого времени, исследователь должен каждый раз показывать, как оно возникает из ниоткуда благодаря взаимодействиям акторов. Однако на практике исследователи едва ли осуществляют нечто подобное.

В-третьих, аналитики подчеркивают непоследовательный актуализм АСТ. Если конкретная сеть есть не что иное, как переплетение испытаний сил, существует ли она только в настоящем? И если да, то каковы «размер» и «емкость» настоящего, что оно включает и конструкции будущего, и конструкции прошлого (настоящее будущее и настоящее прошедшее)? В целом остается неясным, отказывается ли Латур от трехчастного разделения прошлое/настоящее/будущее, полностью заменяя его, скажем, дихотомией линейного/оседающего времени?

Жаркие споры развернулись и вокруг тезиса о ретроактивности научных фактов. Во многом это объясняется дебатами между релятивистами и реалистами, так называемыми научными войнами. Как бы то ни было, очевидно, что представление об обратной силе имеет отношение преимущественно к сфере науки и не всегда подходит для исследования других культурных доменов (тех же технологий). Далее неясно, от чего зависит, насколько далеко в прошлое мы ретроспективно распространяем существование сущности, и как это можно установить в настоящем времени, эмпирически. Что, если бы открытие Пастера захватило не все существование до, но только небольшой сегмент в полмиллиона лет?

Наконец, у ретроактивного аргумента есть и другой фундаментальный недостаток: если некоторые испытания сил обладают ретроактивной силой, то что предшествует некоторому конкретному взаимодействию неретроспективно? Иными словами, он не поддерживает различение ретроспективного и неретроспективного предшествования, потому что тот же принцип симметрии блокирует разговор об асимметриях, онтологических неравенствах, так или иначе предопределяющих появление и развитие новой сети. Ранняя акторно-сетевая теория бессильна ответить на все эти вопросы.

Казалось бы, наш анализ обнаружил сходства между трактовкой пространства и пониманием времени у Латура. Они подвергались серьезной критике, причем в обоих случаях затрагивается нечто не-сетевое: если речь идет о пространстве, что находится *вне сети*? Если в расчет берется время, то что неретроспективно предшествовало ретроактивности техно-научной ассоциации? Иными словами, что было *до сети*? Но эти уязвимые сходства оттеняют принципиальные различия. В концепции пространства локальность осмыслялась через измененное понятие микро-актанта, которое было дополнено представлением о материальности сетевых фреймов в статье «Об интеробъективности» [Латур, 2006b; Вахштайн,

2005, с. 105–106]. Тогда как в концепции времени сложно найти базовое понятие, позволяющее с той же долей уверенности локализовывать взаимодействия. Категория «мгновения» была задана слишком афористично, категория «события» при всей богатой генеалогии не была достаточно явно эксплицирована. При этом у Латура есть потенциальные союзники в лице А.Н. Уайтхеда и Ж. Делёза, но он очень редко привлекает их построения для подробной, технической характеристики событийности[1]. Усиливая эклектичность теории за счет множества союзов с различными традициями, Латур не всегда стремится мобилизовать своих союзников.

Попытки связать пространства и времена через некоторый единый феномен лишь усиливают расхождения. Так, в АСТ предлагается следующая формула: «Пространство создается обратимыми, а время — необратимыми перемещениями» [Латур, 2014, с. 356]. В качестве единой характеристики тут выступает обратимость перемещений (displacements).Попытки связать пространства и времена через некоторый единый феномен лишь усиливают расхождения. Так, в АСТ предлагается следующая формула: «Пространство создается обратимыми, а время — необратимыми перемещениями» [Латур, 2014, с. 356]. В качестве единой характеристики тут выступает обратимость перемещений (displacements). Конечно же, временные необратимости рассматриваются как относительные, локальные [Latour, 1988a, p. 1.2.5.2.]. Конкретное временное направление всегда можно повернуть вспять. Но в некоторых границах оно остается необратимым. И тут возникает разрыв: пространства обратимы в принципе, у них не может быть даже локальной необратимости. Представьте себе португальский галеон, который не может вернуться к недавно открытому острову. Обратимость перемещения в этом случае нарушена. Но почему? Либо команда ошиблась в расчете пути, либо с островом что-то произошло, и он исчез. В первом случае ошибка не имеет прямого отношения к пространству и времени. Во втором случае остров до и остров после происшествия разделены во времени, не в пространстве[2]. Необратимость перемещения объясняется не через пространство — через время. Пространственный порядок поглощается временным, потому что локальные необратимости возможны только для времен. Получается, что локально

1 Иногда в текстах проскальзывают яркие, но неопределенные высказывания о «демократии мгновений» [Ibid, p. 1.2.5.4.], которые провоцируют философов вроде Г. Хармана на предположения о временах как совокупностях абсолютно конкретных событий [Harman, 2009, p. 65].

2 Конечно, гипотетически остров мог переместиться и в пространстве. Но он переместился бы из места, *в котором был раньше*, в новое место. Различие во времени остается первичным.

необратимые темпоральные перемещения возможны только в сочетании с постоянно обратимыми перемещениями в пространстве.

Но даже если такое поглощение происходит, это не то единство пространств и времен, которое ищет Латур, — оно вызывающе асимметрично в пользу времени и оказывается исключением для теории. Таким образом, различие между пространствами и временами утверждается через противопоставление постоянной обратимости и локальной необратимости.

Это расхождение усугубляется из-за того, что для концепции пространства нет понятийного аналога ретроактивности. Причем речь идет не о том, что, скажем, факты географии или геологии не могут иметь обратной силы[1], они так же ретроактивны, как и результаты физиков и химиков. Но невозможно выделить подобный феномен *собственно пространственного порядка!* Все дело в соотношении тезиса о ретроактивности и идеи обратимости перемещений. Обратимость среди прочего предполагает, что временная стрела непостоянна, что перемещаемые и транслируемые элементы современности могут оказаться архаичными, и наоборот [Ibid., p. 1.2.5.3.]. Соответственно актанты борются за локальные необратимости. А ретроактивность фактов — это возможность сказать, что микробы существовали всегда, что нечто необходимо и состоит в порядке вещей, пускай оно и было открыто в конкретный исторический момент. Ретроактивность — это локальная необратимость. Если пространства не предполагают локальных необратимостей, для них недоступна самостоятельная форма «спатиальной ретроактивности».

Можно было бы возразить, что сеть как опорная метафора предполагает единство пространственных и временных локализаций. Но с нашей точки зрения, очевиден дисбаланс: понятие сети отсылает прежде всего к особому пространственному распределению элементов, четкого темпорального содержания оно не содержит[2].

Хотя трактовка времени у Латура и его понимание пространственности подвергались критике, лишь в случае с пространством критика была продуктивна и привела к новым решениям в АСТ. Косвенным свидетельством ее успеха можно считать популярность подхода в современной географии [Evarts, 2011, p. 68–75]; в частности, работы Латура и Ло повлияли на формирование не-репрезентационной теории [Thrift, 2007]. В одной из своих лекций А. Кузнецов охарактеризовал АСТ как сильную теорию метода и слабую теорию

1 В качестве примера можно представить способы моделирования прамaтерика Пангеи.

2 Именно поэтому Латур будет пытаться реконфигурировать метафору как *worknet*, избегая иллюзии «двойного клика» [Latour, 1999].

мира. Мы хотели были заимствовать эту формулировку, применив ее к нашей теме. Учитывая все сказанное, можно утверждать, что Латур, Каллон, Ло и Мол предложили *сильную концепцию пространства.* Латуровский же подход ко времени и в особенности идея ретроактивности не получили широкого распространения даже среди его последователей. Кроме философа мало кто вносил в него серьезные модификации. Все это дает нам возможность обозначить его как *слабую концепцию времени.*

Мы предложили уже две пары различений, и возникает очевидное соображение: почему бы не наложить их друг на друга? Тогда у нас в распоряжении были бы семиотические, онтологические и материальные версии отдельно для пространства и отдельно для времени, каждая с собственным набором достоинств и недостатков. Но важно иметь в виду, что два этих деления проводятся на разных основаниях. Чтобы их совместить, потребовалось бы разработать целый ряд дистинкций второго порядка. Это неоправданно усложнило бы изложение.

Пространство и время: производность без симметрии

Главная задача статьи — прояснить бинарную оппозицию пространства и времени. Согласно Харману, любая сеть может рассматриваться как состоящая из несводимых друг к другу сущностей и вместе с тем как коллектив, в котором все члены сводимы друг к другу, если проследить работу переводов. Замечание Хармана усложняет и без того неясный вопрос о производности пространства и времени. Возникает тривиальная перспектива: легко сказать, что идентичности одних актантов производны от идентичностей других актантов. Для АСТ все элементы сети взаимопроизводны. В этом смысле пространства и времена не обладают никакой исключительностью.

Другое дело утверждать, что по какой-то причине места и мгновения больше не превращаются по желанию аналитика в действующие единицы и vice versa, что их больше нельзя рассматривать как источники агентности. В 1997 году Латур предпринимает масштабную попытку разобраться с оппозицией пространства и времени, показать ее вторичность по отношению к взаимодействиям актантов. И радикальность этой попытки определяется именно тем, что производность пространственных и временных категорий может по какой-то причине выпадать из логики (ир)редуцируемости актантов.

В завершающей части работы мы постараемся разобраться в колебаниях Латура и всей АСТ между ирредукционизмом и однозначной, односторонней редуцируемостью пространств и времен. Для этого нужно будет реконструировать, каким образом в важнейшем тексте 1997 года заново соотносятся фрагменты симметричного сло-

варя и как выстраивается баланс между сильной концепцией пространства и слабой концепцией времени.

В статье о Пиаже Латур, как и раньше, заявляет о поиске третьего пути между субъективным и объективным временем, более того, между пространством и временем [Latour, 1997, p. 3, 11–13]. При первом прочтении текста может показаться, что пространства и времена описываются просто как формы некоторой третьей силы — процесса [Ibid., p. 3]. Однако концептуальная фактура оказывается гораздо сложнее.

Базовая интуиция Латура состоит в различении трансформации актанта и его транспортировки. Сущность может меняться сама или через изменение своего положения. Когда скорость этих изменений совпадает, пространство и время неразличимы — нет контраста, и нужно говорить о единой процессуальности [Ibid., p. 6]. Но если темпы изменений разные, то пространство и время расслаиваются. Чем сильнее контраст, тем сильнее становится расслоение.

Соотношение трансформации и транспортировки детализируется через уже знакомые нам обратимость и необратимость. В метафоре за́мка, наблюдаемого с разных перспектив, проступает следующая схема: обратимость — это возвращение сущности в то же место, но в другое время и в другом состоянии. У контраста не два, как раньше, а три члена: состояние актанта, его темпоральное состояние и спатиальное состояние! Если актант и темпоральное изменение находятся в одном темпе, а спатиальное измерение — в другом, они порождают разницу между пространством и временем [Ibid., p. 16–17]. Принципиально новое следствие из модели следующее: пространство не должно быть абсолютно неизменным, то есть абсолютно обратимым. От него лишь требуется меняться с меньшей скоростью! Латур почти незаметно поправил изначальный аргумент. Причем это оказалось возможным только при активном использовании семиотического образа: теория трех типов переключений из семиотики научных текстов была распространена на все перемещения, осуществляемые актантами. И это распространение не могло быть осуществлено без поддержки других фрагментов словаря. Работая на стыке семиотики и философской онтологии, Латур обнаруживает, что у актантных, спатиальных и темпоральных переключений есть интенсивность в смысле Делёза, которая очень приблизительно передается через концепты трансформации и транспортировки [Ibid., p.13–14][1].

1 Когда Латур дополняет теорию переключений идеями Делёза, он предлагает использовать вместо спатиальных, темпоральных и актантных переключений такие термины, как спейсинг, тайминг и актинг [Ibid., p. 13]. На наш

Вместе с тем в рамках общего словаря едва ли можно говорить о равенстве всех трех образов. По Латуру, разные тела производят разные пространства и времена. Тела, трансформация которых минимальна при транспортировке, неизменные мобильности (immutable mobiles) производят эффекты изотопии и изохронии, циркулирующие в метрологических сетях современной технонауки [Ibid., p. 22]. Стоит ли говорить, что подразумеваются никак не человеческие или животные тела, но твердые тела (rigid bodies): планеты, маятники, пули, весы, спутники [Ibid., p. 14]. Латур только усиливает неравенство между людьми и не-людьми, отдавая предпочтение материальному образу пространства-времени. Вопреки идеалу плоской онтологии человеческим взаимодействиям приписывается непостоянность и быстротечность, в то время как у «прирученных» неживых объектов обнаруживается стабильность, открытая для делегирования. Напряжение между семиотическим и материальным образами внутри словаря растет в статье о Пиаже. Латур *вообще* не использует термин «симметрия», хотя от самого принципа он еще явным образом не отказывается. На кону оказывается сама возможность их объединения: без принципа симметрии эклектика теряет методологическую осмысленность.

Однако установка на симметризм еще легко различима в желании Латура восстановить баланс между пространством и временем в АСТ. С его точки зрения, такие философы, как А. Бергсон, Ш. Пеги, Ж. Делёз и А.Н. Уайтхед, в своей борьбе с присущей науке спатиализацией[1] несправедливо возвысили время над пространством [Ibid., p. 14]. С позиции же АСТ как пространство, так и время равным образом процессуальны, что и обосновывается в статье. С нашей точки зрения, предлагаемое обоснование бьет мимо цели: если считать, что подобная калибровка необходима, то следует укреплять слабую концепцию времени, а не сильную концепцию пространства. Для Латура же оказывается принципиально важно противопоставить себя собственным идейным предшественникам.

Казалось бы, идеология третьего пути может быть реализована как своеобразный монизм, в котором и пространство, и время лишь виды процессуальности. Однако Латур предлагает более замысловатый ход. Различение трансформации и транспортировки разворачивается в более масштабном противопоставлении сетей (networks) и троп (trails). Как иллюстрация используется парадокс близнецов — сти-

---

взгляд, это уточнение не носит принципиальный характер, и мы решили придерживаться слова «переключение» (shifting out).

1 Ученые и инженеры стремятся к точным *измерениям* пространственных параметров.

лизация под известное затруднение в специальной теории относительности. Первый близнец женского пола высаживается в джунглях и вынужден прорубать дорогу сквозь дремучие заросли. Путешественнице приходится иметь дело с разнородными сопротивлениями актантов, причем у каждого свой маленький мир [Latour, 1987a, p. 1.2.8], свой пространственно-временной режим. Она прокладывает *тропу*, и ее тело изменяется по мере продвижения, покрываясь ссадинами, царапинами, старея. Транспортировка оказывается в одном темпе или даже тождественна с трансформацией, они неразличимы. Эту неразличимость Латур и обозначает как процессуальную [Ibid., p.6]! Второй же близнец, мужчина[1], едет на конференцию (!) на том же поезде, на котором приехал и Латур. Он перемещается быстро и с предельным комфортом, трансформация его тела минимальна. В этой ситуации все актанты выстроены в согласованные ряды, их актантные, темпоральные и спатиальные переключения скоординированы таким образом, чтобы возникало различие между преодолеваемым пространством и проживаемым временем. Речь, конечно же, идет о *сети.* В сетях гораздо больше посредников (intermediaries), в то время как тропы прорубаются сквозь не-сетевое пространство — то, что Латур позже назовет плазмой [Latour, 1998, 2005], и путешественнице постоянно приходится бороться с медиаторами (mediators). Между тропами и сетями существуют две промежуточные области: одна включает «прогрессивное» движение от троп к сетям, в другой циркуляция происходит в обратном направлении [Latour, 1997, p. 10]. АСТ претендует на полное описание, охватывающее многочисленные вариации производства пространств и времен.

Понятие «тропы» позаимствовано Латуром у А. Кассинса [Cussins, 1992]. Вводя новый концепт, он, очевидно, реагирует на критику и постепенно отходит от идеи онтологической изолированности сети. Тропа — это промежуточное состояние между областью не-сетевого и сетью, прото-сеть, возникающая из хаоса сопротивлений. Именно тропам в АСТ приписывается *недифференцированная процессуальность* [Latour, 1997, p. 5-7]. Читатель ожидает, что все пространственные и временные феномены будут сведены к единой процессуальности, Латур же ограничивает ее лишь одним из четырех регионов! Для монизма было бы необходимо, чтобы процессуальность была так или иначе распределена между всеми областями. Создается впечатление, что она специально локализуется с такими ограничениями

1 Интересно, что разработанной сетью железных дорог пользуется мужчина, в то время как новую тропу прорубает женщина. Латур очевидным образом иронизирует над феминистской критикой АСТ и обвинениями в игнорировании Другого.

и что именно с ней должны соотноситься онтологические понятия события, интенсивности и виртуальности [Ibid., p.28].

Однако нужно помнить, что переключения тоже обладают процессуальностью, но процессуальностью *дифференцированной,* когда при циркуляции твердых тел возникает разница в темпе между актантными, спатиальными и темпоральными изменениями. И именно переключениям приписывается интенсивность [Ibid., p.13] и виртуальность. Соответственно и тропы, и сети, и промежуточные состояния процессуальны, но процессуальны по-разному, и различие это состоит в согласованности взаимодействий актантов.

Закономерно возникает вопрос: какой тип процессуальности предпочтительнее для Латура? Или они равноценны? С первого взгляда могло бы показаться, что нет, поскольку автор хочет показать производность пространств и времен, возможных только в сетях. Получается, что дифференцированные процессы вторичны относительно недифференцированных[1]? Тогда становится непонятно, почему в АСТ столько внимания уделяется именно сетям — коллективам высокого уровня связности в противоположность квази-сетевым и не-сетевым образованиям. Латур, даже будучи делёзианцем, использует метафорику становления, различия, интенсивности в основном для того, чтобы с ее помощью лучше разглядеть формирование тождеств, приравниваний, метрологии и стандартизации [Lee, Brown, 1994]. В океане становления его прежде всего интересуют эффекты упорядоченности. Именно поэтому недифференцированной процессуальности уделена только одна четвертая «пространства возможностей».

Таким образом, нельзя утверждать производность одного типа процессуальности от другого. Опрометчиво было бы говорить и об онтологическом равенстве сетей, троп и, заглядывая в будущее, плазмы, поскольку обобщенный принцип симметрии был разработан специально для внутрисетевых ассоциаций, и неясно, применим ли он за их пределами. Скорее следует открыто признать высокую неопределенность их отношений, которая не ухватывается даже философией ирредукционизма.

Тезис о производности пространства и времени действует только в рамках сетей, то есть дифференцированной процессуальности. Но какого рода производность имеется в виду? Производность можно понимать радикально — иллюзорность. Согласно одной из возможных интерпретаций, никогда не было Нового времени [Латур, 2006а]: разные режимы критики порождали иллюзию чистоты

1 Или, иными словами, сети вторичны по отношению к тропам.

субъектов и объектов, которые на самом деле были лишь гибридами с ошибочным представлением о собственном бытии. Можно ли сказать, что пространство и время нереальны именно в этом смысле?

Если пространство и время абсолютно иллюзорны, тогда под угрозой оказывается различение плазмы, троп и сетей, ведь именно в сети пространства и времена становятся отличимы друг от друга. С нашей точки зрения, осмысление этих категорий требует совмещения реалистических и конструктивистских установок: пространства и времена должны быть представимы как конструируемые, но от того не менее реальные[1]. В этом аспекте они отличаются от чистых субъектов и объектов, которые были произведены, не получив полной реальности.

Вместе с тем внутри реально сконструированных пространств и времен возникают иллюзорные эффекты. Дело в том, что сети внутри себя стремятся к синтезу (неразличимости) пространства и времени, но не к неразличимости плазмы и троп, а к *формам* [Там же, с. 8]. Формы, или формализмы, — это результаты научной деятельности, циркулирующие в техно-научных коллективах. В качестве примера приводятся карты и пространственные координаты [Там же, с. 25]; то есть понятие формы среди прочего отсылает к идее репрезентации. Как отмечает Латур, науке часто приписывается возможность производить формы, причем якобы безвременные [Там же, с. 24]. В статье говорится о разрежении пространства и времени до состояния неразличимости. Формы позволяют научным содержаниям циркулировать с максимальной скоростью [Latour, 1986], отчего возникает впечатление мгновенности передачи информации, «двойного клика». Но метафора разрежения не уточняет, как именно разница в темпе между темпоральными и спатиальными переключениями, только растущая в сети, ведет к безвременной неразличимости. Вместо этого мы видим противопоставление циркуляции твердых тел и результатов этой циркуляции: безвременность форм возникает тогда, когда актанты не обращают внимания на всю сложную работу по темпоральным, спатиальным и актантным переключениям, когда они принимают результат изменений за их причину.

1 «Когда мы говорим о постройке, которая живет своей собственной жизнью благодаря усилиям, вложенным инженерами, проектировщиками, архитекторами и каменщиками, и именно благодаря тому, что это были правильные усилия, мы не попадаем в метафизическую ловушку: любой согласится, что постройки раньше не существовало, какой бы самостоятельной она теперь не казалась» [Латур, 2006с, с. 376]. Постройка — это идеал совмещения реалистских и конструктивистских аргументов: здание является конструкцией, в реальности которой никто не сомневается, несмотря на то, что было время, когда она не существовала.

Иллюзию безвременности форм, возникающую внутри сетей, легко соотнести с иллюзией Нового времени: они возникают, когда теряется из виду или скрывается усилие актантов по производству знания[1]. Пространства же и времена, возникающие благодаря актантным, спатиальным и темпоральным переключениям, обладают более высоким онтологическим статусом. Но можно ли тогда сделать вывод, что пространства и времена оказываются такими же актантами как люди и нечеловеки, конструирующие друг друга в ходе непрерывных взаимодействий?

Если пространства и времена сводимы к взаимодействиям сущностей так, как это показано в статье о Пиаже, то сами они больше не могут быть превращены в актанты. Что же изменилось? Теряет силу принцип симметрии. Именно он позволял заявлять о равенстве и нередуцируемости всех сущностей, именно он обосновывал возможность синтеза разных концептуальных традиций. Но связанные с ним проблемы, прежде всего в осмыслении времени, оказались слишком серьезными. К тому же Латур стал все больше склоняться в сторону принципиального различия между людьми и не-людьми. Хотя в 1997 году окончательный отказ от симметризма еще не был объявлен, слово постепенно исчезает из оборота, в текстах начинают происходить полузаметные изменения.

Но почему именно пространство и время оказываются на острие пересборки акторно-сетевого анализа? Прямое следствие из отказа от симметризма — обрушение философии ирредукционизма, а значит, и *всей* теории актантов. Тогда должна будет уйти в прошлое сама возможность приписывать нечеловеческим актантам агентность. Латур явно не мог пожертвовать своим главным достижением, вместо этого он начинает тестировать категории, занимающие промежуточное положение между актантами и нововременными иллюзиями, — категории пространства и времени. Он предлагает ре-концептуализацию временных феноменов, но не решается избавиться от проблемного тезиса о ретроактивности. В статье о Пиаже мы видим, как сквозь аргументацию проступает недовольство симметризмом. Теперь у пространства и времени нет обратного пути

1 В конечном счете проблема иллюзорности в АСТ упирается в вопрос о том, насколько актанты способны ошибаться в самоописаниях. А точнее, насколько исследователь позволяет себе называть некоторые самоописания актантов ошибочными и заменять их собственными моделями. Именно для этого предлагался принцип симметрии, и в акторно-сетевом анализе нет единого ответа на этот вопрос. В этом смысле АСТ зависает между критической социологией, с ее готовностью найти за спиной у акторов игру социальных сил, и этнометодологией, отказывающейся рассматривать членов как «культурных простофиль».

в нередуцируемое состояние, нет дороги назад к «демократии мгновений» и мест. Но что же тогда означает эта редукция?

С нашей точки зрения, пространства и времена перестают быть актантами (если они когда-либо ими были в полном смысле этого термина) и становятся актантными свойствами. Раньше, если места и мгновения были конкретными актантами, то мы могли представить себе их отсутствие в конкретном сегменте сети — в таком союзе между другими сущностями, у которого в принципе нет никаких пространственных и временных параметров. Но отныне любые актанты[1] независимо от метафизических обстоятельств всегда производят пространства и времена. Речь, конечно, не идет о евклидовом пространстве времени — разные актанты создают разные пространственно-временные конфигурации. Но в любом случае теперь[2] они вписаны Латуром в структуру минимальной агентности. Это удивительная ситуация редукции делает редуцируемое в некотором смысле универсальным, хотя и вторичным.

Заключение

Проделанная работа позволяет прояснить неопределенность дихотомии пространства и времени в акторно-сетевом анализе. Во-первых, ее странность объясняется напряжением, существующим между разными образами пространства-времени. Во-вторых, само устройство оппозиции оказалось далеко от идеального баланса: сильная концепция пространства сочетается со слабой концепцией времени. Наконец, основной источник неопределенности — это промежуточное положение пространственных и временных категорий между полноценными актантами и очищенными субъектами и объектами.

Пытаясь разобраться с накопившимися трудностями, Латур модифицирует концепцию актантных, темпоральных и спатиальных переключений. Ему удается ответить на обвинения в изоляционизме его модели сети за счет введения концепта тропы. Продолжая

1 Не только люди, животные и технические объекты, но и, скажем, концепты [Вахштайн, 2015].

2 Конечно, интуиция неотъемлемости пространства и времени и раньше присутствовала в АСТ. В семиотике научных текстов она просматривается в рядоположенности актантных, темпоральных и спатиальных переключений. В метафизике Латура же есть утверждение, что у каждого актанта есть собственный мир (а значит, и собственное пространство-время), который сливается с мирами других актантов при образовании сети [Latour, 1987, p. 1.1.14, p. 1.2.7, p.1.2.7.1, p. 1.2.8, p. 1.4.3, p. 1.5.1].

эту линию аргументации, через год он начнет говорить о плазме, так что тропы — это в некотором смысле предшественники плазмы.

Однако многие проблемы не были разрешены. Латур так и не внес существенных изменений в свою концепцию времени. Он не нашел нового решения для согласования трех фрагментов симметрического словаря. Как следствие проявляются несостыковки. Латур доказывает, что время и пространство производны от взаимодействий актантов, но при этом говорит о различии между актантными, спатиальными и темпоральными переключениями, которые и порождают пространство и время. Почему некоторые переключения *изначально* оказываются спатиальными или темпоральными? Идет ли речь о ретроспекции? И как можно говорить о *локальном* производстве пространства?

Рефлексивные эффекты, которые мы упоминали в начале статьи, очень напоминают круги в аргументации. И Латур мог бы использовать их; существует целая традиция метафизической эксплуатации логических кругов, можно вспомнить имена Фихте, Гегеля, герменевтические проекты Хайдеггера и Гадамера. В определенном смысле Деррида и Делёз — идейные предшественники АСТ — могут быть продуктивно соотнесены с этой традицией. Но не Латур. Для акторно-сетевого анализа такого рода круговое движение оказывается связано с бесконечным регрессом[1] и парадоксами мета-рефлексивности[2].

Наша работа только намечает проблемы, возникающие в АСТ в связи с осмыслением пространства и времени. Как мыслить взаимосвязь ретроспективной и неретроспективной темпоральности? Возможна ли пространственная обратимость? Как соотносятся различные формы процессуальности? Наконец, можно ли найти новое методологическое обоснование эклектики, не опирающееся на идею обобщенной симметрии? Ответы на эти вопросы требуют дальнейших исследований.

Библиография

Астахов С.С. (2015) Метафизическая интерпретация акторно-сетевой теории и ее ограничения. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, (3): 122–128.

1 Харман указывал на разрушительность ухода в бесконечность [Harman, 2009, p. 10, 145–146.], хотя и ошибочно связывая его с концептом черного ящика, что мы показали в другой работе [Астахов, 2015].

2 Вместе с тем под влиянием Серра Латур использует метафоры кругового движения, циркуляции. Остается вопрос, почему же он тогда не обращает себе на пользу логические парадоксы самоприменимости?

Вахштайн В.С. (2005) Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*, 4 (1): 94–115.

Вахштайн В.С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, (2): 9–38.

Латур Б. (2002) Дайте мне лабораторию, и я переверну мир. *Логос*, 35 (5–6): 211–242.

Латур Б. (2006a) *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, Спб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.

Латур Б. (2006b) Об интеробъективности. В.С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: Издательский дом «Территория будущего»: 169–198.

Латур Б. (2006c) Надежды конструктивизма. В.С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей,* М.: Издательский дом «Территория будущего»: 365–390.

Латур Б. (2012) Политика объяснения. *Социология власти,* (8): 113–143.

Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества*, СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.

Латур Б. (2014a) Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию, М.: ИД ВШЭ.

Латур Б. (2014b) Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм? *Логос*, 100 (4): 265–274.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. В.С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: Издательский дом «Территория будущего»: 223–243.

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Изд-во Института Гайдара.

Напреенко И.В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*, (1–2): 75–98.

Столярова О. Е. (2003) Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Бруно Латура). *Вестник Московского университета, Серия 7, Философия*, (3): 39–51.

Хархордин О.В. (2012) Куда идет теория практик: поворот к материальности. *Социологические исследования,* (11): 20–34.

Brown S., Lee N. (1994) Otherness and the Actor Network: The Undiscovered Continent. *American Behavioral Scientist*, 36 (6): 772–790.

Callon M. (1986) Some Elements of a Sociology of Translation: The Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. J. Law (ed.). *Power, Action & Belief: A New Sociology of Knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul.

Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them Do So.K. Knorr-Cetina, A.V. Cicourel (eds). *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies,* Boston: Routledge & Kegan Paul.

Collins H., Yearley S. (1992) Epistemological chicken. Science as practice and culture, Chicago, Illinois: University of Chicago Press.

Cussins A. (1992) Content, Embodiment and Objectivity: *The Theory of Cognitive Trails. Mind*, 404 (101): 651–688.

Cussins C. (1996) Ontological choreography: Agency for Women Patients in an Infertility Clinic. M. Berg, A. Mol (eds) *Differences in Medicine, Durham N.,* Carolina: Duke University Press.

Deleuze G. (1994) *Difference and Repetition,* N.Y.: Columbia University Press.

Evarts S. (2011) *Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory B.A.* Thesis, Brown University.

Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne: re.press.

Latour B. (1986) Visualisation and cognition: drawing things together. H. Kuklick (ed.). *Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present. Jai Press,* (6): 1–40.

Latour B. (1988a) *The Pasteurization of France,* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Latour B. (1988b) A Relativist Account of Einstein's Relativity. *Social Studies of Science*, (18): 3–44.

Latour B. (1996) Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid. *Common Knowledge,* 5 (1): 76–91.

Latour B. (1997) Trains of thoughts. Piaget, Formalism and the Fifth Dimension. *Common Knowledge*, 6 (3): 170–191.

Latour B. (1999) *On Recalling ANT. Actor Network and After,* Oxford: Blackwell Publishers: 15–25.

Latour B. (2000) On the Partial Existence of Existing and Non-existing Objects.

L. Daston (ed.). *Biographies of Scientific Objects,* Chicago: University of Chicago Press: 247–269.

Latour B. (2005). Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory, N.Y.; Oxford: Oxford University Press.

Law J. (1994) *Organizing Modernity*, Oxford and Cambridge: Blackwell.

Law J. (1999) *Actor Network Theory and After,* Oxford: Blackwell and Sociological Review.

Law J. (2002) *Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience*, Durham, North Carolina: Duke University Press.

Law J., Mol A. (1994) Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. *Social Studies of Science,* (24): 641–671.

Mol A. (1999) Ontological politics. A word and some questions. J. Law, J. Hassard (eds). *Actor-Network Theory and After,* London: Blackwell and Sociological Review.

Mol A. (2002) *The body multiple: ontology in medical practice,* Durham, North Carolina: Duke University Press.

Mol A. (2008) The logic of care: health and the problem of patient choice, London; N.Y.: Routledge.

Schmidgen H. (2014) *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography,* N.Y.: Fordham University Press.

Shapin S. (1998) Placing the View from Nowhere: Historical and Sociological Problems in the Location of Science. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 23 (1): 5–12

Thrift N. (2007) *Non-Representational Theory*, London: Routledge.

Whitehead A.N. (1978) *Process and Reality*, N.Y.: Free Press.

References

Astakhov S.S. (2015) Metafizicheskaia interpretatsiia aktorno-setevoi teorii i ee ogranicheniia [The metaphysical interpretation of actor-network theory and its limitations]. Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke *[Humanities Research in the Russian Far East]*, (3): 122–128.

Brown S., Lee N. (1994) Otherness and the Actor Network: The Undiscovered Continent. *American Behavioral Scientist*, 36 (6): 772–790.

Callon M. (1986) Some Elements of a Sociology of Translation: The Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. J. Law (ed.). *Power, Action & Belief: A New Sociology of Knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul.

Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them Do So.K. Knorr-Cetina, A.V. Cicourel (eds). *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies*, Boston: Routledge & Kegan Paul.

Cussins A. (1992) Content, Embodiment and Objectivity: *The Theory of Cognitive Trails. Mind*, 404 (101): 651–688.

Cussins C. (1996) Ontological choreography: Agency for Women Patients in an Infertility Clinic. M. Berg, A. Mol (eds) *Differences in Medicine, Durham N.*, Carolina: Duke University Press.

Deleuze G. (1994) *Difference and Repetition*, N.Y.: Columbia University Press.

Evarts S. (2011) *Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory B.A.* Thesis, Brown University.

Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne: re.press.

Kharkhordin O.V. (2012) Kuda idet teoriia praktik: povorot k material'nosti [Where does the practice theory go: turn to materiality]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]*, (11): 20–34.

Latour B. (1986) Visualisation and cognition: drawing things together. H. Kuklick (ed.). *Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present. Jai Press*, (6): 1–40.

Latour B. (1988a) *The Pasteurization of France*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Latour B. (1988b) A Relativist Account of Einstein's Relativity. *Social Studies of Science*, (18): 3–44.

Latour B. (1996) Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid. *Common Knowledge*, 5 (1): 76–91.

Latour B. (1997) Trains of thoughts. Piaget, Formalism and the Fifth Dimension. *Common Knowledge*, 6 (3): 170–191.

Latour B. (1999) *On Recalling ANT. Actor Network and After,* Oxford: Blackwell Publishers: 15–25.

Latour B. (2000) On the Partial Existence of Existing and Non-existing Objects.

L. Daston (ed.). *Biographies of Scientific Objects,* Chicago: University of Chicago Press: 247–269.

Latour B. (2005). Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory, N.Y.; Oxford: Oxford University Press.

Latour B. (2006b) Ob interob'ektivnosti [On interobjectivity]. V.S. Vakhshtain (red.). *Sotsiologiia veshchei [Sociology of things],* M.: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego»: 169–198.

Latour B. (2006c) Nadezhdy konstruktivizma [Promises of constructivism]. V.S. Vakhshtain (red.). *Sotsiologiia veshchei [Sociology of things],* M.: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego»: 365–390.

Latour B. (2012) Politika obiasneniia [The Politics of Explanation]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of Power],* (8): 113–143.

Latour B. (2013) *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri soobshchestva [Science in action: how to follow scientists and engineers through society],* Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.

Latour B. (2014a) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu [Reassembling Never Been Modern],* Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.

Latour B. (2014b) Izvinite, vy ne mogli by vernut' nam materializm? [Can We Get Our Materialism Back, Please?]. *Logos*, 100 (4): 265–274.

Law J. (1994) *Organizing Modernity*, Oxford and Cambridge: Blackwell.

Law J. (1999) *Actor Network Theory and After*, Oxford: Blackwell and Sociological Review.

Law J. (2002) *Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscienc*e, Durham, North Carolina: Duke University Press.

Law J. (2006) Obekty i prostranstva [Objects and Spaces] V.S. Vakhshtain (red.). *Sotsiologiia veshchei [Sociology of things],* M.: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego»: 223–243.

Law J. (2015) *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naia nauka [After method: mess in social science research],* M.: Izd-vo Instituta Gaidara.

Law J., Mol A. (1994) Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. *Social Studies of Science,* (24): 641–671.

Mol A. (1999) Ontological politics. A word and some questions. J. Law, J. Hassard (eds). *Actor-Network Theory and After,* London: Blackwell and Sociological Review.

Mol A. (2002) *The body multiple: ontology in medical practice,* Durham, North Carolina: Duke University Press.

Mol A. (2008) The logic of care: health and the problem of patient choice, London; N.Y.: Routledge.

Napreenko I.V. (2013) Semioticheskiĭ povorot v STS: teoriia referenta Bruno Latura [Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's theory of referent]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of Power]*, (1–2): 75–98.

Schmidgen H. (2014) *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography,* N.Y.: Fordham University Press.

Shapin S. (1998) Placing the View from Nowhere: Historical and Sociological Problems in the Location of Science. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 23 (1): 5–12.

Stoliarova O.E. (2003) Sotsial'nyi konstruktivizm: ontologicheskii povorot (posleslovie k stat'e Bruno Latura) [Social constructivism: the ontological turn (the afterword to the article of Bruno Latour)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta . Seriia 7. Filosofiia [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy],* (3): 39–51.

Thrift N. (2007) *Non-Representational Theory,* London: Routledge.

Vakhshtain V.C. (2005) Vozvrashchenie material'nogo. «Prostranstva», «seti», «potoki» v aktorno-setevoi teorii [The return of materiality: «spaces», «networks» and «fluids» in actor-network theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review],* 4 (1): 94–115.

Vakhshtaĭn V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhdu iazykom i prostranstvom [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of Power],* (2): 9–38.

Whitehead A.N. (1978) *Process and Reality,* N.Y.: Free Press.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Астахов С.С. (2017) Странная дихотомия: пространство и время в акторно-сетевой теории. *Социология власти*, 29 (1): 59-87.

Astakhov S.S. (2017) Strange Dichotomy: Space and Time in Actor-Network Theory. *Sociology of power*, 29 (1): 59-87.